

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ КОЧЕВАНИЯ У НОГАЙСКОГО СООБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XVI В.

(на примере ногаев Волго-Уральского междуречья)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 02 – 01 – 00264а*

В данной работе продолжено рассмотрение отдельных аспектов специфики кочевания и географии речных переправ у степного населения Волго-Уральского междуречья в эпоху позднего средневековья (См.: Дубман и др., 2003). Ранее заданные географические параметры изучения проблемы предполагают ограничение ее территориальных рамок лесостепными и примыкающими к ним степными пространствами Заволжья, охватывающими современные закамские земли Республики Татарстан, левобережные территории Самарской и Ульяновской областей, юго-западные районы Республики Башкортостан и западные - Оренбургской области. Однако специфика настоящей работы над темой вынуждает постоянно обращаться ко всей территории Волго-Уральского междуречья и прилегающим к ней районам.

Наша задача состоит в том, чтобы выявить географию годового цикла кочевания на примере ногайского сообщества с достаточно точной хронологическо-территориальной локализацией маршрутов выхода на летние и зимние пастбища и местонахождения весенних и осенних кочевий. Таким образом, в статье решаются вопросы, в большей степени относящиеся к историко-географической проблематике. В силу заданности региона исследования из нескольких выделяемых специалистами систем кочевания у ногаев выбрана одна - поволжская. Но и эта система в силу различных процессов, происходивших в ногайском сообществе в конце XV - начале XVII вв., претерпевала значительные изменения.

Для иллюстрации отдельных положений, а также для сравнения приводятся сведения о кочевании калмыков, казахов и других степных народов.

Источниковая база для данной работы крайне невелика и представлена совокупностью сохранившихся от XVI - XVII столетий архивных и опубликованных документов, в основном дипломатического характера, в которых встречаются отдельные краткие сведения о системах кочевий, использовании различных сухопутных путей, особенностях хозяйствования и т.д. К архивным относятся материалы, отражающие взаимоотношения ногаев и калмыков с

московским правительством и администрацией поволжских городов (прежде всего с астраханской) и находящиеся в настоящее время в фондах «Сношения России с ногайскими татарами» (Ф.127) и «Сношения России с Калмыцким ханством» (Ф.119) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также, фрагментарно, в некоторых других архивных коллекциях. Наиболее полная характеристика этих коллекций документов приведена в работах Н.Н. Рогожина и других исследователей (Рогожин, 1983; 1994; Обзор посольских книг ..., 1990; Трепавлов, 2001), и поэтому вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на их повторном анализе. Отметим лишь, что хранящиеся в этих фондах источники - книги, грамоты, отписки и т.д. в основном отражают делопроизводство, связанное с дипломатическими отношениями, деятельностью посольств и т.д. как со стороны кочевой знати, так и русского правительства. Поэтому характер составления подобных документов предопределяет то, что сведения о хозяйствовании, кочевьях и т.д. встречаются в них лишь эпизодически, крайне фрагментарно, не позволяя воссоздать сколько-нибудь целостной картины. Вместе с тем следует отметить, что в наказах русским послам в Орду предписывалось сообщать максимум сведений о кочевьях и перемещениях степняков. Например, в наказе Д.И. Губину, отправленному к ногаям в 1534 г., говорилось: «да про тамошние ему дела отписать про все подлинно: где нагаи кочуют и где зимовали, и куды им чае итьти, и на сю сторону кто по синему леду на весне не перелезли» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с.116).

Отметим, что, начиная со второй половины XVIII в., книги, отписки и грамоты из этих фондов начали публиковать, причем нередко со значительными купюрами (Щербатов, 1903, т.4, ч.3; т.5, ч.4; т.6, ч.2; т.7, ч.3; Продолжение древней российской вивлиофики, 1791-1801, ч.7-11; Карамзин. История государства Российского. 1842-1884, т.6-12, примечания; Сборник РИО, т.41, 95). Наиболее ценными в этом отношении являются публикации ногайских посольских книг в издававшемся Н.Н. Новиковым «Продолжении Древней Российской Вивлиофики». Историки используют это издание до настоящего времени. Однако, публикации конца XVIII - начала XX вв. - это, как правило, выдержки из значительных по объему документов и нередко, ценнейшие для решения поставленных в данной работе вопросов текстовые фрагменты в них отсутствуют. Следует также отметить, что в ряде изданий допущены искажения текста, отсутствует археографическое введение, нет строгих описаний, что не позволяет воссоздать не только целостное представление о документе и его содержании, но, нередко и о конкрет-

ных деталях, терминах, топонимах и т.д. Поэтому сверка с архивными прототипами таких изданий является необходимой.

В 1980-е гг., после длительного перерыва, крупнейшим исследователем посольского делопроизводства Н.Н. Рогожиным было предпринято издание полных текстов такого рода книг, в числе которых и четыре «ногайские» (Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489-1508 гг., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг., 1995). Совсем недавно еще одну «ногайскую книгу» опубликовал В.В. Трепавлов (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.), 2003). Необходимо отметить, что данные публикации осуществлены на современном научном уровне и могут быть использованы без дополнительного обращения к подлинникам (или копиям XVI - XVII вв.), находящимся в архивах.

Ряд материалов, в которых имеются свидетельства об образе жизни кочевников Заволжья, сохранился в отписках воевод русских городов, делах приказа Казанского Дворца и т.д., но таких документов, как правило, очень немного.

Для изучения данной темы могут быть использованы также записки иностранцев о Восточной Европе XIV – XVII вв. Часть из них побывала в Волго-Уральском регионе (Г. Рубрук, А. Дженкинсон, А. Олеарий и др.), остальные описывали заволжских кочевников, исходя из имеющейся на Западе литературы или со слов очевидцев (М. Меховский и др.). Как правило, эти описания носят фрагментарный характер, весьма лаконичны и нередко содержат ошибочные сведения.

При крайней скудости источниковой базы особую значимость для исследования проблемы летних кочевий имеют сведения, относящиеся к позднему периоду, но позволяющие с известными оговорками выявить более раннее состояние хозяйства кочевников. К таковым, прежде всего, можно причислить описания участников академической экспедиции второй половины XVIII в. - П.С. Палласа, И.И. Лепехина, А. Гильденштедта, И.П. Фалька, С.Г. Гмелина, И.И. Готлиба и других, а также материалы «Топографических описаний» П.И. Рычкова, Т.Г. Масленицкого и других. К сожалению, эти авторы уже не застали в первозданном виде те кочевые сообщества, которые рассматриваются в данной статье.

Несмотря на то, что литература, посвященная ногайскому сообществу достаточно обширна (Перетяткович, 1877; Сафаргалиев, 1949; Кочкаев, 1988; и др.), по-настоящему обстоятельного, многостороннего анализа кочевания как основы хозяйственной деятельности степняков, как это сделано по отношению к некоторым их соседям, например, казахам или калмыкам, не существует. Такая ситуация обусловлена, прежде всего, крайней скудостью источников, а так-

же тем, что рассматриваемые этносы очень рано уходят из Заволжья (ногаи) или в значительной степени меняют привычную систему хозяйствования и свой годовой цикл кочевания (калмыки).

Наиболее полно и скрупулезно история Ногайской Орды рассмотрена в обобщающей работе В.В. Трепавлова, имеющей поистине энциклопедический характер. Однако исследователь, всесторонне изучив общество и государственность у степняков, только в самой общей форме затрагивает интересующие нас вопросы, отсылая читателя к сравнительно небольшой, но, по его мнению, «превосходно и очень подробно» (Трепавлов, 2001, с.511) характеризующей систему кочевий ногаев, статье Е.А. Поноженко и А.М. Асанова (Поноженко, Асанов, 1993, с.116-125). Но, к сожалению, и у этих авторов вопрос о кочевьях рассматривается несколько в ином ключе.

Следует отметить, что проблема географии и хронологии ногайских кочевий в разные сезоны годового цикла, как системы, четко зафиксированной и отлаженной, рассматривалась историками либо очень упрощенно, либо вообще отрицалась. Некоторые исследователи даже высказывали мнение о том, что ногайское скотоводство было нерациональным и способствовало уничтожению пастбищ, хотя большинство придерживалось иных взглядов (Трепавлов, 2001, с.508).

При всех вышеуказанных трудностях особую значимость для данной работы имеют исторические реконструкции кочевого цикла у сообществ, находившихся на соседних территориях (или даже заменивших ногаев в Поволжье, как это было с калмыками), но относившихся к более позднему времени - XVII - XIX вв. Такие реконструкции, созданные исследователями на основе хорошо сохранившейся источниковой базы, позволяют применить полученные результаты и к более раннему ногайскому сообществу.

По мнению специалистов, на протяжении XV - XVI вв. у ногаев сложились две основных системы (или годовых цикла) кочевания: арало - уральская и поволжская. В данной работе рассматривается поволжский цикл, хотя в случае необходимости предлагаются обращения и к арало-уральскому. Тем более, что, на наш взгляд, между двумя этими системами существовала определенная совместно используемая пограничная зона. Например, часть улусов на зимние кочевья располагалась не только «по Сыр реке» или «за Енбою на Карабулуне» (Трепавлов, 2001, с.510), но также по побережью Каспия в низовьях Яика и Ембы, а весной поднималась вверх по обоим берегам Яика, соприкасаясь с улусами, шедшими на север из дельты и нижнего течения Волги.

Известно, что с наступлением тепла кочевья ногаев, а позднее калмыков в Заволжье начинали перемещаться на север, причем большая часть их не только доходила до южной границы лесостепной

зоны (р. Самара), но и поднималась значительно выше вплоть до Камы и ее левобережных притоков. Остальные же размещались южнее — по Иргизу и другим рекам степной зоны, на территориях, в меньшей степени благоприятных для летнего выпаса скота. Однако выявить конкретные маршруты движения кочевников, создать сколько-нибудь исторически реальную картину распределения пастбищ между отдельными улусами; размер пастбищных угодий, приходящихся на одну хозяйственную единицу кочевого общества, не представлялось возможным из-за фрагментарности источниковой базы. Сохранившиеся свидетельства, по мнению исследователей, слишком общи и мало информативны.

На наш взгляд, эти трудности в определенной степени можно преодолеть, используя ряд приемов. Во-первых, необходима более скрупулезная работа с материалами, содержащими сведения по исторической географии XVI - XVIII вв., и локализация приводимых в них топонимов на современной картографии Волго-Уральского региона. Во вторых, динамику кочевий, направления и скорость кочевания отдельных орд можно выявить по датам отправки и встреч посольств, сопоставлении времени их перемещения из мест кочевания до Касимова (Городка), Москвы, других ключевых пунктов, а также в обратном направлении. Вообще, хронология отдельных событий в кочевых сообществах, особенно когда она весьма конкретна (число и месяц) и привязана к определенной, хорошо локализованной местности, дает чрезвычайно много для решения предложенной задачи. И, наконец, необходимо использование всей совокупности данных, содержащихся в документах и литературе по рассматриваемым территориям. Вполне очевидно, что последнее возможно, прежде всего, при четко выраженной «региональности» изучения, когда исследовательская задача решается историками местных научных центров.

Для воссоздания, хотя бы фрагментарной, но максимально полной при данном состоянии обеспеченности источниковой базой, системы кочевий ногайского общества наиболее удобным является 1552 г. Совокупность самых различных перекрестных, взаимно дополняющих друг друга документальных материалов, идущих как от самих ногаев, так и от московских посольств в Орду позволяет рассмотреть процесс перекочевок для этого года не как совокупность отдельных разрозненных данных, а в динамике, целостно. На это важное обстоятельство впервые обратили внимание Е.А. Поноженко и А.М. Асанов (Поноженко, Асанов, 1993, с. 122-123). Кроме того, отдельные материалы, сохранившиеся за близкие данному кочевому циклу (1552 г.) годы позволяют представить систему кочевания еще более отчетливо. Важно отметить, что именно этими го-

дами (конец 1540-х — 1553 г.) завершился относительно спокойный период стабильного развития Ногайской Орды. Даже взятие русскими войсками Казани и присоединение территории Казанского ханства на первых порах не оказало сколько-нибудь непосредственно серьезного воздействия на внутривосточную систему Орды. Материалы же за предшествующий период слишком фрагментарны и не позволяют создать относительно непротиворечивой картины, а сведения о кочевом сообществе, отражающие последующий, начиная с 1554 г., период, показывают ногайское общество в состоянии кризиса, из которого оно уже не смогло выбраться, несмотря на отдельные периоды стабилизации и ремиссии. Таким образом, важность избранного временного отрезка не вызывает сомнений. Отметим, что материалы, позволяющие судить о размещении кочевий в Заволжье и относящиеся к более позднему периоду, отражают совершенно иное ногайское общество и государство, существенно «обрезанное» в размерах, с катастрофически уменьшившейся численностью населения и скота. Соответственно и система кочевий должна была трансформироваться и, действительно, существенно изменилась. Можно предположить, что до начала Второй Смуты, по существующей современной классификации, на всей территории Волго-Уральского междуречья существовало наиболее оптимальное соотношение между количеством кочевников и имеющегося у них скота и пространством пастбищ от северного побережья Каспия вплоть до Камы, по которому они совершали свой годовой цикл. При этом в разное время года использовались практически все пастбища как по Волге, Уралу, северному побережью Каспия или Каме, так и находящиеся на волго-уральском водоразделе или в Рын-песках.

При рассмотрении географии, хронологии и всей системы перекочевков особую значимость приобретают точные даты появления в Москве людей, привозивших сведения из Ногайской Орды, и время, которое затратили они на то, чтобы добраться «из Ногаев» в столицу. Такие сведения необходимы для определения хотя бы приблизительной хронологии совершения того или иного события в Орде, местонахождения улуса в данный момент, его перехода в новый район кочевий, и т.д. Например, прибывший в Москву 13 октября (все даты, кроме особо указанных, даны по старому стилю) 1553 г. от бия Юсуфа и его мирз «вож» сообщал, что вместе с ногаями «ехал он от Яика до Волги десеть день, а от Волги поспел до городка в десять же день» (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 4. л. 189об.-190). Городком тогда называли Касимов. Таким образом, пересечь степь между Уралом и Волгой орда могла за 10 дней. Скорее всего, пространство между этими двумя реками было преодолено, примерно, на уровне

современного г. Уральска на востоке и где-то между Саратовым и Сызранью на западе, т.к. добраться до Касимова из более удаленного пункта ниже по течению Волги за этот срок было практически невозможно из-за протяженности пути. В таком случае можно предположить, что скорость продвижения по заволжской степи составляла около 30 км в сутки, а на правобережье дневные перегоны составляли едва ли не 50 км. Характерно, что в свое время Гильом Рубрук проехал степи между Волгой и Яиком за 12 дней (Рубрук, 1957, с.122). Еще одно свидетельство о времени в пути русских посланников относится к 1536 г., когда «казак Янбулат с товарищи» сообщали, что дорога от р. Урал до Волги, где переправлялись «ниже Казацких гор» (в районе современной Сызрани) заняла время сентября с 8 по 17, а уже 7 октября они были в Москве (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с.163). В таком случае на весь путь от р. Урал до Москвы было затрачено около одного месяца, что на наш взгляд вполне правдоподобно и подтверждается еще несколькими подобными фактами. В 1552 году осенью служилый татарин Т. Шийдяков дорогу от Переволоки (возможно, несколько ниже по Ахтубе) до Москвы преодолел также за один месяц.

Можно предположить, что месяц, затраченный на дорогу между Ордой (из низовьев Волги или от Яика) и Москвой, являлся при благоприятных условиях наиболее оптимальным сроком, если в пути не случались какие-либо длительные остановки или непредвиденные задержки.

Однако, нередко переезд занимал от полутора до 2-х и более месяцев. Например, в том же 1552 г. московские посланники «с Самара (видимо от устья реки Самары или от Самарского перевоза – Э.Д.) шли до украины (до Елатьмова - города на Мещере, неподалеку от Касимова - Э.Д.) месяц» (РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.139об.). Шесть недель затратили на дорогу приехавшие от Юсуфа в Москву в конце осени 1549 г. К. Кудинов и Е. Янсубин, но их маршрут был значительно длиннее и шел из-за Яика: «А как отпустил их Юсуф князь из-за Яика с Карадувана тому 6 недель» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548-1549 гг., 1995, с.318). Шейдяк гонца своего Синалея отпустил с Яика «ниже Янсувека» 6 августа 1536 г., а в Москву тот приехал 24 сентября (Продолжение древней российской вивлиофики, 1791, с. 291, 307-308). Разумеется, пространство между Ордой и Москвой можно было преодолеть и за более длительный срок. Нередко скорость каравана была невелика, возможны были длительные остановки на переправах, в Касимове, других городах. Например, русский посол Д.И. Губин, выехав из Москвы 8 сентября 1534 г., достиг «Нагайских улусов» в низовьях

Волги только 19 ноября (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с.124).

Все это были сухопутные маршруты, ведущие из ногайских кочевий к Москве. Широкое распространение получили и речные пути, прежде всего, по Волге. Видимо, они были более удобны и комфортны, но волжский путь из Астрахани вверх по Волге к Москве занимал не менее, а порой и более, 2-х месяцев (Родин, 1975, с. 21-23; Бушуев, 1976, с. 350).

В середине XVI в. западное крыло Ногайской Орды составляли улусы Кошумовичей (мирзы Белек-Пулад, Исмаил, Арслан и другие), Хасановичей (во главе с Хайдаром) и, разместившиеся здесь в начале 1550-х гг., Шихимовичи (во главе с Ураз-Али, а затем его сыном Айсой) (Трепавлов, 2001, с. 237-239). Один из наиболее пространственных фрагментов, содержащих описание ногайских кочевий и включенный в состав сообщения «служилых татар», посланных к степнякам весной 1552 г., дает следующую информацию: «А Белек Булат мирза в те поры кочевал на Большом Узени за Волгою, а Исмаил кочевал за ним два днища на речке на Ачекаши Уну, а Араслан Мирза пошел з Белек Булатом на Узени ж. А Юсуф князь с детьми кочевал на речке на Нарыни промеж Волгой и Яика. А Касай мирза кочевал за Яиком. А отпустил их Белек Булат Мирза (имеется в виду «служилых татар» - Э.Д.) с Усть Сантрак, а с ним вместе послал ко царю и Великому князю посла своего Толуша. А как они пошли из Нагай, тому пол Г месяца. Кочевати Белек Булату се лето промеж Волги и Самара, на речке на Яике, от Казани днищ с шесть. А Исмаилю - летовать блиско Яика на речках на Чеганех да на Тенгелех. А Арслану кочевати с Белек Булатом вместе на Кенили да на Кенилчике. А Юсуфу князю з детьми летовать на Иялгане, да на Тугальке по обе стороны Яика. А Касаю летовати за Яиком. А Уразлы Мирзиным детем Айса Мирзе с братьею кочевать по Волге на Большом Иргизе. А Тягригула с товарищами Белек Булат Мирза оставил у себя до осени» (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 4, л. 130об.-131об.). Создается впечатление, что при подготовке этого раздела текста, его составители ошиблись, указывая летние кочевья Белик-Пулада и Исмаила, а также, возможно весенние пастбища Юсуфа. Возможно, эту ошибку можно объяснить тем, что, описывая «летовья» ногаев, они соединили два различных, но созвучных и близких по написанию в средневековой русской графике гидронима - Ик и Яик под одним названием - «Яик». В первом случае его, видимо, следует идентифицировать с притоком Камы рекой Ик; во втором случае - не совсем ясно с р. Ик или Яик; и, наконец, с рекой Яик в 3-м и 4-м случаях. Характерно, что отчасти эту неточность заметили Е.А. Поноженко и А.М. Асанов, но исправить ее попытались весьма своеобразно. Цити-

руя текст по публикации в «Продолжении ДРВ», они его слегка «подправляют: «Летовати же Белек-булату сие лето промеж Волги и Самара, на речке на Кениле, от Казани дней шесть езды» (Поноженко, Асанов, 1993, с.119). Мы сверяли этот текст в его опубликованном варианте в «Продолжении ДРВ» и в архивном, хранящемся в РГАДА. Исключая мелкие неточности, допущенные при публикации, они идентичны. Поэтому, можно предположить, что ошибка или описка при определении летних кочевий Исмаила и Булак-Пулада была допущена людьми, готовившими это донесение в середине XVI в.

Содержание вышеуказанного фрагмента представляет особый интерес не только потому, что указывает места кочевий различных ногайских орд. Важно еще и то, что в нем показан процесс перекочевки отдельных улусов в динамике. Отчитывались перед московскими властями «служилые татары» 26 июня, а отпустили их «из Нагай, тому пол Г месяца», т.е. два с половиной месяца назад, в начале второй декады апреля. Таким образом, именно, на первую половину - середину апреля (а по новому стилю на вторую половину апреля - начало мая) показано положение улусов, когда они уже находились в процессе перекочёвок на летние пастбища. Эти же сведения подтверждаются сообщениями других московских послов «в нагай», обнаруженных в иных источниках примерно того же времени. Например, приехавший в Муром из Ногаев служилый татарин Семен Тутаев доносил в Москву о весенних кочевьях ногаев весьма близкую указанной выше информацию (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 134; Продолжение древней российской вивлиофики, 1793, с. 29, 32). Указанный период для данного района приходится на конец весны - начало лета и весьма благоприятен для выпаса скота. Разумеется, этот природный цикл следует несколько скорректировать для изучаемого периода, который исследователями нередко обозначается как время длительного похолодания (Иванов, Васильев, 1995, с. 7, 175, 218).

Судя по совокупности имеющихся данных, создается впечатление, что «Узени» и «Нарынь» являлись особой территорией, своего рода зоной весенних кочевий на пути передвижения ногайских улусов к северу. Как промежуточный пункт при перекочевке с зимних пастбищ на летовья к Яику «Нарынь-пески» указываются астраханскими воеводами в 1608 г. для ногаев бия Иштерека «со всеми мурзы» (Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая - 17 июля 1610 г.), 1914, с.160, 164). Характерно, что в «Книге Большому Чертежу» при подробнейшем описании местности у истоков «Узены» и вокруг Камыш-Самарских озер дается очень любопытное противопоставление данной территории району, приле-

гающему к нижнему течению Волги. «А против Золотые Орды от Ахтубы 100 верст пески Нарымские: вдоль песков 300 верст» и далее по тексту «А река Узень потекла из кочевья Больших Нагаев» (Книга Большому Чертежу, 1950, с. 144). При этом получается так, что знаковое выделение этой территории - «кочевья Больших Нагаев» - является как бы «внутренним» для русского средневекового понимания всего пространства расселения ногаев (Больших Ногаев, так как описание составлялось после распада Ногайской Орды): «А от верху реки Бузувлук на полях, и до синева (Аральского – Э.Д.) моря, кочевья все Больших Нагаев» (Книга Большому Чертежу, 1950, с. 140-144.). Следует отметить, что локализация определенных степных территорий по признаку размещения там ногайских пастбищ встречается в «Книге Большому Чертежу» крайне редко.

Указанные в посольских книгах «Большой Узени», «Узени», «Ачекаши Уну» – это верховья рек Большой и Малый Узени, северо-восточная окраина Рын-песков, местность, располагающаяся на водоразделе междуречья Волги и Урала, на уровне современного Волгограда. В этом районе находится много озер и заболоченных мест («Камыш-Самарских озер» или «разливов Большого Узеня»). Здесь весной быстрее сходит снег, а множество мелководных озер и низин, заполняемых полной водой, широко разливавшихся и хорошо прогреваемых теплым весенним солнцем, способствовали появлению более раннего травяного покрова, способного прокормить стада кочевников: «А меж тех озер растет трава и колодези многие» (Книга Большому Чертежу, 1950, с. 144.). Особые условия данных территорий, благоприятные для кочевых сообществ, подчеркиваются многими наблюдателями (Россия. Полное географическое описание нашего отечества..., 1998, с. 530; Рамазанов, 2002, с. 16). Например, в академическом издании, посвященном природе Волго-Уральского междуречья, особо подчеркивается высокая хозяйственная ценность района Камыш-Самарских озер для выпаса скота. При этом отмечается, что именно весной здесь становится много пресной воды, запасов которой достаточно только до начала лета (Буяновский и др., 1966, с.164-167).

В XVIII в. калмыки и находившиеся под их властью небольшие группы ногаев даже летовали здесь (Трепавлов, 2001, с. 513). П.И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» писал о «Рын-песках»: «кочуют тут Калмыки. Сие песчаное место окружено немалым солончаком, и так велико, что в то время, когда Волга разлив свой имеет, до десяти тысяч Калмыцких кибиток с их перекочевками вмещаютца, и бывает у них тут наилучшее и славное кочеванье. Близ солончака в колодезях вода горькая, солоноватая, а внутри оных песков вода сладкая, и так близко, что малые ребята руками ее добывают» (Рычков,

1887, с.180). Характерно, что П.С. Паллас и И.И. Лепехин осматривавшие Рын-пески и прилегающие к ним Камыш-Самарские озера, также дали этой местности чрезвычайно высокую оценку как района, обладающими наиболее благоприятными условиями для кочевания. «Рын песков, в которых Калмыки наилучшее свое кочевье имеют» отмечал И.И. Лепехин (Лепехин, 1795, с.492-493). П.С. Паллас специально указывал, сообщая об этой же местности, что: «По наступлении весны подаются они по малу к северу, и стараются в то время, когда Волга уберется в свои берега и оставляет в лощинах богатый корм, сыскать холмистыя и ключами изобильныя места в средней степи». И далее «славны песчаные холмы рин пески называемые, да еще богатая ключами страна Калмыками сок-худок, то есть сто ключей проименованная. Калмыки ищут для кочевания таких ключами изобильных мест в коих растет осока, а наипаче тростник» (Паллас, 1773, с.491-492). По наблюдениям академика, калмыки в Заволжье осуществляли практически тот же цикл весенних перекочетов, что и предшествовавшие им ногаи. В начале XIX столетия в Рын-песках калмыков сменила Букеевская орда.

Из этого района, по гребню двух крупнейших речных систем юго-восточной Европы можно было, не форсируя уже разлившиеся или готовые к половодью реки, пройти далее к северу на летние кочевья. Тем более, что из текста документов того времени очевидно, что ногаи стремились держаться в отдалении от рек Заволжья во время их половодья (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, 1933, с. 293). Таким образом, можно предположить, что район Камыш-Самарских озер являлся не просто важным пунктом в системе перехода от зимних кочевий к летним, но и был местом, где улусы некоторое время (достаточно длительное) останавливались на местных пастбищах, уходя от половодья на юге и дожидаясь становления травяного покрова и спада воды в более северных районах. Видимо, каждый улус в это время не разбивался на аулы, а располагался тесно по территории кочевий, да и расстояние между отдельными улусами было невелико - «два дня езды», как говорилось выше.

Исходным пунктом для улусов Исмаила, Белек-Пулада, Арслана и других представителей той группировки мирз, улусы которой обосновались в Заволжье, были зимние пастбища в районе Астрахани. Например, в донесениях И. Кельдишева, датируемых началом мая 1551 г. говорилось, что зимовал «Исмаил мирза от Астрахани в 10 верстах, Белек Булат мирза от Астрахани в 2-х днях езды» (РГА-ДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 2). Практически эти же места указываются в сообщениях «служилых татар», которые были в Орде осенью 1552 г. и отправились в Москву где-то в середине сентября этого года. Бе-

лек-Пулад мирза, летние кочевья которого располагались поблизости от летовищ Исмаила также по р. Ику, судя по сообщению Т. Шийдякова, прибывшего «из ногай в Москву» 19 октября 1552 г. и потратившего на дорогу никак не менее месяца, ко времени его отъезда в Москву, кочевал «по Ахтубе на острове на Соврасой Кобыле, а зимовати ему на сей стороне Волги на Мамаеве кочевьище» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 149). Сведения от 29 сентября 1553 г., поступившие от самих ногаев, также подтверждают вышеуказанные места их зимних кочевий: «На усть Волги старейшего нашего Исмаилева изба» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 187об.). Уникальная сводка исчерпывающих данных о зимних кочевьях ногаев, свидетельствующая о том, что они не менялись в течение длительного периода, содержится в сообщении приехавших от Юсуфа в Москву 26 ноября 1549 г. К. Кудинова и Е. Янсубина: «А как отпустил их Юсуф князь из-за Яика с Карадувана тому 6 недель, по ноябрь 26 число (то есть в середине октября - Э.Д.). А царевич Дервишь с Юсуфом же кочует, а Юнус мирза, Юсуфов сын, кочует в верх по Яику повыше отца, ден пяти или шесть. А другой Юсуфов сын, Али мирза, кочует на речке на Алыклее от Кара Дувана днища з два. А Ших-Мамаевы дети, Касай мирза з братьею, кочуют на реке Сыре х Казацкой Орде, а к Волге их Юсуф князь кочевати не перепустил. А Исмаил мирза да Кошумовы дети - Белек Булат мирза з братьею - кочуют за Волгою против Астарахани. А Ченеш мирза з братье - Асановы дети - кочуют поверх Астарахани на своем зимовище на Манатове. А на сей стороне Волги нагайских мирз нет никово» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548-1549 гг., 1995, с. 318). В этом описании интересно также то, что к середине октября (а по новому стилю к концу этого месяца) ногаи, по крайней мере, западного крыла уже устроились на своих зимних пастбищах.

Мы ни в коей степени не пытаемся подробно останавливаться на характеристике мест локализации зимних пастбищ ногайских орд. Это не входит в задачи данной работы и требует более тщательного анализа источников, что, собственно, и было уже проделано другими исследователями. Речь идет о другом, а именно об исходном пункте, откуда орды заволжских ногаев начинали движение в район Камыш-Самарских озер, то есть первоначально на северо - северо - восток от своих зимовий, в направлении к возвышенности Общего Сырта на водоразделе рек Волги и Урала.

Вопрос о том, когда начиналось это движение на север на примере ногайского сообщества решить практически невозможно из-за отсутствия данных. Не совсем ясно, какие «заливные луга, отстоящие на расстоянии 2-3 переходов от зимовий» имеют в виду Е.А. Поноженко и А.М. Асанов, когда пишут, что они «ранней весной служили

идеальным местом для выпаса ослабленного за зиму скота и молодняка» (Поноженко, Асанов, 1993, с. 122). Вряд ли это могли быть заливаемые полыми водами пойменные пространства Прикаспия и низовьев Волги. «Под Астараханью кормы конские и животинные на весне вода поимает» (Трепавлов, 2001, с. 512). Видимо, как раз перед половодьем, которое сейчас начинается в середине апреля (Природа и история Астраханского края, 1996, с. 17, 39), а в рассматриваемый нами период, скорее всего, несколько запаздывало, улусы уходили к северу на место весенних пастбищ в район Камыш-Самарских озер. Выше уже указывалось, что в начале второй декады апреля (по новому стилю конец апреля) в 1552 г. практически все улусы волжских ногаев были уже на своих весенних пастбищах в районе Камыш-Самарских озер (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 130об.-131об.).

Маршруты кочевий и размещение летних пастбищ для отдельных улусов являлись традиционными и постоянными, по крайней мере, на период спокойного стабильного развития Орды (в годы Смута происходил передел). Они были запланированы заранее и известны всем, в том числе и русским посланникам. Вполне можно согласиться с мнением В.В. Трепавлова: «В литературе давно утвердился верный тезис о четкой системе распределения кочевий на совещаниях знати» (Трепавлов, 2001, с. 510).

Уже говорилось, что сведения за 1552 г. уникальны тем, что они позволяют судить о летних кочевьях из нескольких, независимых друг от друга, источников. Судя по всем этим данным, цепочка летних кочевий ногайских улусов занявших все Заволжье располагалась следующим образом:

- улус Белек-Пулада кочевал «промеж Волги и Самара, на речке на Яике (выделено нами – Э.Д.), от Казани днищ с шесть». Выше уже было высказано предположение, что под «Яиком» подразумевался приток Камы р. Ик, расстояние от среднего и нижнего течения которого до Казани напрямую составляло от 250 до 300 км. Интересно, что здесь в качестве оси координат, помимо Волги указана, именно «Самар», а не другая более крупная река. Но, на наш взгляд, в указании на «летовище» Белик-Пулада была допущена не просто неточность в передаче названия реки (Яик – Ик). Дело в том, что далее по тексту идет информация о том, что «А Араслану кочевати с Белек Булатом вместе на Кенили да на Кенилчике» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д.4, л. 131об.). К тому же годом ранее, в 1551 г. И. Кельдишев, вернувшийся от Белик-Пулада, сообщал, что тот намерен «летовать на Самаре меж Волги и Яика» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 2). Позднее, в 1555 г., когда Орду уже начал охватывать кризис, кочевья «Белек Булата Мирзы» продолжали оставаться по рекам Самаре, Большому

и Малому Кинелям (Продолжение древней российской вивлиофики, 1793, с. 29). Видимо, три последние указания и являются наиболее предпочтительными при определении летовищ этих улусов;

- южнее - «на Кенили да на Кенилчике», т.е. по Большому и Малому Кинелям место для кочевий было предоставлено улусу Арслана;

- и, наконец, по Большому Иргизу пастбища отводились «Уразлы Мирзиным детям Айса Мирзе с братьею».

Не совсем ясно, как обстояло дело с ногаями, подвластными непосредственно Исмаилу. Сообщение в вышеуказанном документе о том, что «Исмаилу летовать блиско Яика на речках на Чеганех да на Тенгелех» не совсем понятно. Вряд ли в нем речь идет именно о Яике и его правобережном притоке Чагане. Скорее всего, в это сообщение также вкралась ошибка или неточность. Может быть, под Яиком следует подразумевать р. Ик. В пользу последнего утверждения свидетельствует вся совокупность других известий о летних кочевьях Исмаила. Например, отпущенный в конце лета 1552 г. из орды Исмаила московский посланник К. Кудинов сообщал, что когда он «пришел в нагаи», Исмаил мирза кочевал «на Ике реке от Камы днищ с пять. А назавтрее его приезде Исмаил пошел к Самару на зимовищи под Астарахань, а шел до Самара 3 (семь – Э.Д.) день, да на Самаре дневал» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 137об.). Таким образом, выясняется, что река «Яик» - это левобережный приток Камы Ик, а летние кочевья Исмаила - территория, которую позднее в XVII – первой половине XVIII вв. после ухода ногаев освоили башкиры и стали считать исконно своей. «От Камы днищ с пять» - это, несомненно, верховья р. Ик. Кстати, слева в Ик в его верхнем течении впадает маленькая речка или ручей с названием, производным от термина «чеган» (с. Чеганлы Абдулинского района Оренбургской области). Еще один «служилый татарин» С. Тугаев, выехавший «из ногаев» весной 1552 г. также сообщал, что летом Исмаил будет кочевать «на Каме под лесом» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 134).

Видимо, для улуса Исмаила эта местность была отведена на весь срок его нурадинства, то есть с середины 1540-х гг. и до середины 1550-х (Трепавлов, 2001, с.215). Так, приехавший в Москву 8 октября 1548 г. от Исмаила служилый татарин Бахтеяр Баймаков «сказывал царю и великому князю, что он был у Исмаил мирзы на Каме 60 верст от Казани. А Исмаил тут летовал, и отпустил его с Камы» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548-1549 гг., 1995, с. 238). В 1553 г. русский посол к ногаям И. Загряжской сообщал, что: «Исмаил покочевал х Каме» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 294об.).

Вся совокупность вышеприведенных данных свидетельствует о том, что под кочевья улуса нурадина были отведены обширные пастбища, тянувшиеся от р. Ик на запад вдоль Камы и включающие в себя одну из провинций Казанского ханства – Ногайскую даругу. В.В. Трепавлов объясняет этот казус как феномен двойного, казанского и ногайского сюзеренитета (Трепавлов, 2001, с. 214-215).

Характерно, что Белик-Пулад, Исмаил и Арслан как шли вместе к летним кочевьям через «Уздени», так и близко друг от друга устроились на них летом 1552 г. Следует отметить, что в сообщении С.Тугаева летние пастбища Исмаила, Белик Пулада и Арслана практически не разделяются: «А Исмаилю летовати блиско Камы под лесом. А Белек Булат и Араслану летовать с Ысмаилем вместе» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 134-134 об.).

В таком случае, выстраивается весьма показательная цепочка кочевий отдельных ногайских улусов, вытянувшихся с севера на юг в меридиональном направлении:

- Исмаил,
- Белик-Пулад,
- Арслан,
- «Уразлы Мирзины дети Айса Мирза с братьею».

Еще один важный момент состоит в том, что главной координатой для летнего размещения кочевий указывались либо сравнительно небольшие речки, либо истоки и верховья более значительных. Практически все они находились на водоразделе между Волгой и Уралом, т.е. на наиболее удобном пути на север, по которому могли пройти сами кочевники и их стада, не опасаясь разливов рек. Видимо, весенняя дорога на север пролегла именно здесь, через верховья Большого и Малого Узеней и далее строго по меридиану, по верхушке водораздела. Например, один из посланников Москвы нашел Исмаила «на Чеганех между Волги и Яйка месяца апреля тритцать (видимо описка – двадцать – Э.Д.) четвертый день» 1551 г., т.е. на пути от «Узденей» вверх к летним пастбищам (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 37). В связи с этим, думается, следует несколько скорректировать, как слишком общее, положение В.В. Трепавлова, писавшего о ногаях: «Поволжская система кочевий включала зимовья в волжских низовьях, переходы по левому берегу Волги и летовья на Самаре и Каме» или о том, что на север происходило «перемещение народа вдоль Волги» (Трепавлов, 2001, с. 511). Не «вдоль Волги», а по волго-уральскому водоразделу и, значительно ближе к р. Урал, чем к Волге.

К летним пастбищам заволжских ногаев с востока примыкали западные кочевья Юсуфа, должного «с детьми летовать на Иялгане, да на Тугалыке по обе стороны Яйка». «Тугалык», по всей видимо-

сти, это р. Таналык, западный приток р. Урал, впадающий в него несколько выше современного Орска. В исторической литературе общепринятым является то, что кочевья Юсуфа и его сыновей находились к востоку от р. Урал. Однако система перекочевков была более сложной, чем представляется исследователям. Видимо, от мест зимних пастбищ у Сарайчика эти улусы могли идти по обоим берегам р. Урал. Например, в 1551 г. в письме русского посла к Юсуфу П. Тургенева сообщалось: «Да приехали есми, Государь, к Юсуфу князю в его улус апреля 23 на Деркул горах меж Волги и Яика» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 29об.). «Деркул горы» - это Деркульский увал, возвышенность с пологими склонами, располагающаяся южнее долины р. Деркула, впадающей в р. Урал с запада у современного г. Уральска. Эта река берет свое начало как раз в районе прохождения в междуречье Волги и Урала большинства улусов Ногайской Орды с весенних пастбищ на летние. Совершенно замечателен тот факт, что посольство П. Тургенева в конце апреля 1551 г. обнаружило улусы Юсуфа и Исмала буквально по соседству - первые на «Деркул горах», а вторые «на Чеганех». Кстати, если служилые татары в своем донесении о кочевьях ногаев не ошибаются, то весенние кочевья улуса Юсуфа в 1552 г. находились «на Нарыни промеж Волгой и Яика», то есть в «Нарынских песках» или практически в одном районе с пастбищами заволжских улусов (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 130об.-131об.). Однако, еще один служилый татарин С. Тутаяв, приехавший из Орды примерно в то же время, сообщил, что «Юсуф кочевал за Яиком на Уеке» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 134). Неясно, кто приводит более точные сведения, возможно, подвластные князю улусы перемещались на летние кочевья по обоим берегам Яика.

На наш взгляд, выход для заволжских улусов к р. Чагану и несколько выше в район Общего Сырта являлся чрезвычайно важным событием на пути от весенних к летним пастбищам. Данная территория была своеобразной ключевой, стратегической зоной для дальнейшего продвижения уже отдельными улусами в низовья Ика, Самары, Большого Кинеля и т.д. Отсюда брало свое начало большинство «средних» рек региона, притоков Волги, Камы и Урала. Поэтому вполне естественным выглядело негодование бия Уруса, когда во второй половине 1580-х гг. яицкие казаки построили свой укрепленный Кош - Яицкий городок на устье р. Илек. Фактически под их контролем оказался весь район выхода ногаев на летние кочевья. Потому-то осенью 1586 г. Урус бросил практически все имевшиеся в его распоряжении военные силы для того, чтобы уничтожить эту крепость (Пекарский, 1994, с. 268-270).

Приход кочевников на летние пастбища обуславливался, прежде всего, временем схода снега и состоянием травяного покрова. В со-

ответствии с современным состоянием климата снежный покров на востоке Самарской области и на сопредельных с ней территориях сходит в первой половине апреля, как правило, до середины месяца. Одновременно в верховьях и среднем течении притоков Волги, Урала и, видимо, несколько позднее, Камы завершается половодье. Появление первой травы, на которой можно пасти скот, относится к началу мая (Природа Куйбышевской области, 1990, с. 12-16, 106). Следует учесть, что рассматриваемый нами период (XVI-XVII вв.) отличался более низкой среднегодовой температурой. Уже отмечалось, что историки климата нередко называют время с XIII-XIV по середину XIX в. «малым ледниковым периодом» (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 62). Поэтому указанные процессы могли запаздывать по сравнению с современным периодом на одну - две недели.

От начала XVII в. сохранилось несколько сообщений о том, когда кочевники должны были появиться в заволжских лесостепи и степи: «а какснеги большие поубудут и ледна реках не прошел и покаместа коньской корм под копытом не будет, и тогосударь, время твоему, государеву послу и шахову послу хорошо будет идти. А кактолькона реках лед вскроетца и снеги последние сойдут и конской корм будет, тогдыколмыки и нагаи лошади откормят и без людей в степи не будет[и]дорогою будет не проехать» (Бушуев, 1987, с. 22). Московский посол к казахам в 1595 г. в описании своего пути через верховья Яика косвенно подтверждает выше приведенное положение: «А ногайцев о ту пору (начало мая – Э.Д.) не начаятца блиско кочевать, потому что в реках вода велика, и корм конской не подоспел на поле и слуху про ногаи нет» (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, 1933, с. 293). Разумеется, время, когда сходили «снеги последние» и появлялся «конский корм под копытом», менялось едва ли не ежегодно с весьма значительной амплитудой. В пользу «разброса», причем нередко в две – три недели, свидетельствуют и современные данные о состоянии климатических условий в Заволжье. В предшествующей нашей статье (Дубман и др., 2003, с. 63-64, 69) уже приводились факты появления у Самарской крепости во второй декаде мая 1587 г. улусов «Кучюк мурзы» и его сына «Сами мурзы», сына Уруса «Янарслан мурзы» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 1, л. 13-17). Видимо, с приходом ногаев на летние пастбища к р. Самаре связана и отправка 12 мая местным воеводой Засекиным ногайских посольств с купцами и с табуном лошадей почти в 2000 голов к Москве (РГАДА, ф. 127, оп.1, 1587 г., д. 1, л. 13-17). Может быть, действительно в этом году была необычно ранняя и дружная весна, но, скорее всего, у Самарского городка появились не сами улусы со всеми стадами, а передовые ногайские отряды, гнавшие лошадей в Россию. В том же 1587 г.

русские воеводы Астрахани где-то в конце апреля — начале мая (до 4 мая, времени отправления послания в Самару) только «велели Урусову сыну княжесу Янарслан мирзе по Волге вверх к Самаре кочевати». Можно считать, что ногаи в начале апреля этого года находились сравнительно недалеко от Астрахани и от своих зимних пастбищ. Самарский воевода Г. О. Засекин посылал к «мирзам в улусы от послов татар трех человек апреля в 1 день», которые застали ногаев в их «улусах», то есть, видимо, у Астрахани или Переволоки.

Можно предположить, что в тех случаях, когда в документах встречаются сообщения о том или ином мирзе, который «пришел» или прислал своих людей к Самаре, Саратову (речь идет о времени, когда на Волге были поставлены русские города), Казани и т. д., то это совсем не означает, что к русской крепости прикочевало все подвластное ему население, со всеми стадами и т. д.

Мнение Е. А. Поноженко и А. М. Асанова о том, что после того как кочевники компактной сплоченной массой приходили к местам своих летних кочевий, их улусы как бы «разворачивались», делились на аулы, распространялись на обширные территории (Поноженко, Асанов, 1993, с. 119), можно принять, но с известной оговоркой. Действительно, основное население улуса шло с юга на север компактно со всеми стадами и имуществом и только после прихода на летние пастбища начинало делиться на отдельные аулы. Но еще раньше из района весенних кочевий у Камыш-Самарских озер и верховьев «Узней» из улусов могли выделяться мобильные отряды молодых воинов, которые либо шли на военную службу России, либо, в случае враждебных отношений, совершали набеги на русские окраины. Одновременно, доверенные люди отдельных мирзы, а нередко и они сами также с большими отрядами уходили к русским городам в Среднем Поволжье, где занимались торгами, встречались с послами. Многотысячные табуны лошадей и овец гнали к Волге и Каме на переправы, чтобы отправить в Россию. И их должны были сопровождать не только пастухи, но и крупные военные отряды. Летом огромные стада скота, женщины, дети и старики, остававшиеся при них с немногочисленной охраной часто оказывались в самом опасном положении. Большинство нападений волжских и яицких казаков на кочевья степняков совершались именно летом.

Выявить более детально систему распределения кочевий, количество скота и людей, которых могли прокормить заволжские летние пастбища, не представляется возможным из-за полного отсутствия необходимых документальных материалов для данного периода.

Сведения о распределении отдельных улусов по территориям летних пастбищ в Заволжье интересны еще в одном отношении. Из

всех улусов только «Уразлы Мирзины дети Айса Мирза с братьею» на летние кочевья размещались по Большому Иргизу, в степной зоне пограничной с южной лесостепью. И это вполне объяснимо, потому что Шихимовичи перебрались в Заволжье только в начале 1550-х гг. Все остальные занимали пространство от р. Самары и вплоть до Камы, причем последние кочевья получали наиболее знатные лица в Ногайской Орде. В середине 1530-х гг. у Камы располагались летние пастбища бия Саид-Ахмеда (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с. 151), в конце 1540-х — начале 1550-х гг. там кочевал нурадин, а затем бий Исмаил. Видимо, эти пастбища считались элитными. В предшествующей статье уже приводились доказательства того, что, только начиная с р. Самары для ногаев начинался отсчет их лучших летних кочевий. По мнению специалистов, в Самарском Заволжье наиболее благоприятными для выпаса скота являлись поймы многоводных рек (Волги, Самары и др.), прилегающие к ним участки степей, а также район в междуречье Самары и Большого Кинеля, где начинался переход от степи к лесостепи. На этих территориях располагались так называемые «элитные» пастбища, так как «густота травостоя здесь намного выше, чем в южных степях, а речные долины с небольшими долинными лесами являлись прекрасными убежищами для скота от летнего зноя и зимних холодов» (Салимов, 1994, с. 128).

Для кочевых орд, приходивших с юга и юго-востока, именно Самара, в сравнении с маловодными, пересыхающими к концу лета левобережными притоками Волги — Ерусланом, Большим и Малым Иргизами и так далее, выделялась рекой, идеально подходящей для летних кочевий. Из всех восточных притоков Волги вплоть до Камы, Самара с Большим Кинелем обладали самой большой поймой, давали максимум водных ресурсов. Обилие воды, пойменные пастбища, сохранявшие корм для скота на всем протяжении летнего сезона, да и все местность без резких возвышений, почти безлесная, переходящая в привычную степь (Природа Куйбышевской области, 1990, с. 102-108) способствовали тому, что для кочевников эти места были родными. Разумеется, ногаи, а затем и калмыки вряд ли ограничивались пастбищами на берегах Самары и Большого Кинеля. Пойменные луга левобережья Волги между современными Саратовом и Самарой, несомненно, были заняты многочисленными кочевьями. Видимо, богатые пастбища, возникавшие в местах впадения крупных рек левобережья — Большого Иргиза, Самары, Сока и других, считались наиболее привлекательными для выпаса скота. По словам того же Исмаила, он в течение годового цикла девять месяцев «жил» на Волге и только три на Яике (Перетяткович, 1877, с. 282). Волга, Урал и Самара (а не Кама или какая-нибудь другая

река, прорезающая летние кочевья ногаев в широтном направлении) были знаковыми для этого народа, что совершенно отчетливо фиксируется в сентенции ногайской верхушки, прозвучавшей на рубеже 1570-х - 80-х гг. о том, что русский царь приказал казакам отнять у кочевников именно эти три реки (Перетяткович, 1877, с.305).

Характерно, что и калмыки, сменившие ногаев, также первоначально избрали для своих кочевий пастбища по р. Самаре и близлежащим рекам (Моче) (РГАДА, ф. 119, оп. 1, д. 1643, д. 1, л. 488.) и добивались подтверждения этих прав у представителей русской администрации (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 1, л. 505). По мнению исследователей, северная граница их кочевий проходила по р. Самаре и Б. Кинелю (Очерки истории Калмыцкой АССР, 1967, с. 144).

В связи с этим интересно выявить отношение самих ногаев и их современников не к действительно великим рекам Восточной Европы — Волге, Уралу, Каме, Белой, а к сравнительно небольшой Самаре, которая являлась границей между волго-уральскими степями и лежащей выше к северу лесостепью.

В документах того времени именно река Самара с ее притоками называлась “ногайской”, так как, по всей видимости, являлась базовой для ногайских летовищ (Середонин, 1885, с. 38-39; Книга Большому Чертежу, 1950, с. 140, 143). В 1570 г. ногайские мирзы в своих жалобах на казаков говорили русским послам: “только государь велит де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отнять и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жон и детей поемлют” (Скрынников, 1986, с. 138). Характерно, что и в переговорах между ногаями и русскими летом — осенью 1586 г. о судьбе Самарской крепости (а также Уфимской крепости и Кош-Яицкого казачьего городка) речь шла в основном о том, что была отнята у кочевников именно река Самара, а не, например, Сок, Кондурча или Белая. Да и позднее, когда в 1589 и 1590 гг. были основаны Царицын и Саратов, кочевники восприняли появление этих крепостей без особых эмоций. Мы не будем приводить здесь другие данные в пользу этого мнения, их достаточно много, но то, что река Самара (и окружающая ее местность) воспринималась ногайской знатью как важнейшая, базовая для их кочевий, не подлежит сомнению (Перетяткович, 1877, с. 283). Думается, что так стало не только с 80-х гг. XVI в., а значительно раньше. Характерно, что сооружение, допустим, Тетюш или Лаишева на Волге и Каме также не вызвало такого взрыва эмоций у кочевников, как строительство Самарской крепости.

В «Ногайских делах» из всех притоков Волги именно Самара упоминается чаще других. В 1554 г. Исмаил указывает на «Самарское устье» как на наиболее удобное место своей встречи с российскими послами (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 5, л. 248). В 1555 г. он же перед

уходом осенью на юг отпускает с Самары служилых татар к Москве (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 5, л. 255). Да и в «эпоху» своей переписки с Иваном IV по поводу строительства на Волге городов, Исмаил в качестве наиболее северного места называет именно устье р. Самары, выше которого, видимо, он поднимался крайне редко (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 5, л. 303-303об.). Но следует отметить, что и в эти годы, и позднее, в «ногайских делах» встречаются сведения о том, что летние кочевья продвигались и севернее, вплоть до Камы (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 4, л. 47об., 137об., 294об.).

Специалисты отмечают, что пойменные луга, а «настоящие» поймы начинались именно с р. Самары, давали гораздо более значительный объем фитомассы, по сравнению со степью. Кроме того, обширные поляны, луговые степи в лесостепной зоне, с точки зрения биологов также вплоть до осени обладали большей кормовой ценностью. Находясь рядом с лесными массивами, скот кочевников использовал для пищи и подлесок. В эпоху средневековья происходило постоянное наступление кочевых сообществ на лесостепь, использование более мощного биоценоза, происходившего там, для откорма огромных стад скота. Характерен в этом отношении следующий вывод ученых, который можно использовать и для рассматриваемого нами периода и региона: «летописные свидетельства подтверждают представления, полученные от анализа археологических данных. Так, в современной лесостепи ... соотношение участков лесов и луговых степей не является следствием разных почво-грунтовых условий, а представляет собой результат разного соотношения оседлого населения и кочевников в прошедшие эпохи. Видна четкая зависимость продвижения кочевников и степной растительности на север. Летописи хранят названия «Половецкие кочевья» для местностей в окрестностях городов Белополье и Харьков, по реке Проня. Северная граница татарских летних кочевий XIV в. проходила по линии: верховья Северского Донца, Тихой Сосны, низовья Медведицы. Сотни тысяч овец и коз уничтожали лесную растительность, леса заменялись лугами, луговая растительность ксерофитизировалась, типчак продвигался все дальше на север в область широколиственных лесов» (Смирнова, Киселева, 1994). В этом отношении интересно, что русские переселенцы XVII в. в Симбирский уезд на правобережье Волги находили там так называемые «Ногайские степи», которые, видимо, появились вследствие активной эксплуатации кочевниками лесостепных пространств.

Трудно выявить, какими обстоятельствами - слишком большой численностью населения кочевых сообществ или сложившейся к этому времени геополитической ситуацией - было вызвано столь глубокое продвижение кочевых сообществ в лесостепь. Но несом-

ненно то, что в последующий период, особенно после «третьего кризиса» Ногайской Орды, по классификации В. В. Трепавлова, кочевники (не только ногаи, но и калмыки) начинают постепенно вытесняться из лесостепной зоны (Дубман и др., 2003, с. 67-68).

Время и маршруты ухода с летних пастбищ определить весьма сложно. Переход к зимовьям, по всей видимости, происходил в два этапа с длительной остановкой на «осенних» пастбищах, располагавшихся вдоль Волги, между основным руслом и Ахтубой, от Переволоки (современный Волгоград) до Астрахани. Сохранился ряд свидетельств в пользу того, что эти «осенние пастбища» играли чрезвычайно важную роль в годовом хозяйственном цикле кочевого хозяйства. 26 сентября 1536 г. от русского посла в Ногайскую Орду Д. Губина казаки привезли грамоту, в которой говорилось, что: «А Келмагмед, государь, и Урак, и Уразлы мырза скочевали с летовища, сказывают вниз по Волге. И стоят, государь, сказывают, нынеча на Аккаши против Переволоки» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с. 153). Судя по времени приезда казаков в Москву, ногайские мирзы должны были оказаться «против Переволоки» уже в конце августа – начале сентября (по новому стилю к середине сентября). Выше уже приводился текст сообщения «служилого татарина» К. Кудинова, свидетельствовавшего о том, что Исмаил: «на Самаре дневал. А его с Самара отпустил» (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 4. л. 137). По всей видимости, Кудинов был отпущен к Москве в день ухода ногаев дальше на юг к Ахтубе. В Москву он прибыл 10 сентября (по другим данным 27 сентября), а по его же словам, «а с Самара шли до украины месяц» (РГАДА, ф.127, оп. 1, д.4, л. 139об.). Предположим, что с «украины» Кудинов добирался до Москвы в лучшем случае 10 дней. Тогда «с Самары» Исмаил отправился вниз по Волге на «зимовище», примерно, в начале - середине августа (по новому стилю середине - конце августа), но никак не позднее. Наконец, Белек-Пулад мирза по сведениям, полученным в Москве 19 октября 1552 г. от Т. Шийдякова, затратившего на дорогу «из ногай» месяц, кочевал «по Ахтубе на острову на Соврасой Кобыле, а зимовати ему на сей стороне Волги на Мамаеве кочевище» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 149). Таким образом, улус Белек-Пулада, проделав огромный путь на юг, уже в середине – начале второй половины сентября (по новому стилю в конце сентября) должен был оказаться в районе Переволоки и ниже. Улус Исмаила в первой половине августа был «у Самары», а по свидетельству того же Т. Шийдякова должен был «кочевать по сей же стороне Волги блиско моря на Комомузьярских кочевищах от Астрахани днища за два» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 187об.). Не совсем ясно, застал ли Шийдяков ногаев уже на зимних пастбищах, или

«забыв» об осенних кочевьях, он сразу сообщил о том, где будут зимние. Видимо, ногаи Исмаила к этому времени уже были ниже Переволоки, на своих осенних выпасах. Так, в следующем 1553 г. пришедшие от ногаев через Касимов в Москву 29 ноября гонцы сообщали: «Как он пришел к Исмаило, а Исмаиль кочевал на Волге на речке на Ахтубе» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 193). Следовательно, на этот раз были задействованы и осенние пастбища.

Таким образом, судя по имеющимся данным, ногаи довольно рано, уже в августе (по новому стилю двумя неделями позднее — во второй половине августа — начале сентября), уходили на юг со своих летних пастбищ. Разумеется, случались чрезвычайные ситуации, когда эти сроки нарушались. Например, в 1535 г. «князь (Саид-Ахмед — Э.Д.) со всем кочевием с летовища воротился июля 15». Причиной этому были неурядицы в Орде, когда «кое было кочевие кочевать княжой орде и княжому улуси, то Ших-Мамай да Исмаил все вытравил» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с. 151).

Бывали случаи, когда ногаи использовали осенние пастбища «по Ахтубе» и как свои зимовья. Например, в 1535 г. Д. Губин сообщал, что: «иные мирзы хотят уставивши; свои улусы на зимовищах на Волге у Переволоки» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг., 1995, с. 124-125). Однако, думается, что такие случаи следует относить к категории чрезвычайных. Ногаи сами отмечали, что кочевья у Переволоки (Царицына) «место не зимовное и не угоже, преже де того они кочевали в Мочеках около Астрахани» (Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая - 17 июля 1610 г.), 1914, с. 172), «Иштерек князь говорил нужу великую принимает и улусные ево люди, и летнее де кочевье стало им зимнее, и преже де они искони бе в тех местех зимним кочевьем не кочевывали, а нынча де они блюдутца, токо укинуть снеги великие, и они де опадут животиною» (Акты времени правления царя Василия Шуйского ..., 1914, с. 180). Вся совокупность сохранившихся материалов позволяет считать, что у ногаев по крайней мере до начала XVII в. существовало четкое разделение между осенними и зимними пастбищами.

Можно с уверенностью говорить, что ногаи делали длительную остановку на осенних пастбищах, игравших в их хозяйстве весьма серьезную роль. «Хозяйственное значение было чрезвычайно велико, ибо от осеннего нагула скота в большой степени зависела его способность к перенесению зимовки. До тех пор пока лед не сковывал Волгу и Ахтубу, ногайцы максимально скармливали растительный покров близ Волги и верхнего течения Ахтубы» (Поноженко, Асанов, 1993, с.124).

В такой реконструкции годового кочевого цикла остается неясным еще один момент, а именно из какого исходного пункта и как ногайские улусы в конце сезона летних пастбищ возвращались назад на юг, в район осенних кочевий. По имеющимся данным, ногайские улусы, или, по крайней мере, их значительная часть постепенно переходила в результате летних перекочевок с верховьев в нижнее течение рек Большого и Малого Кинелей, Самары, Ика, Большого Иргиза и т.д. Затем они шли далее на юг вдоль берега Волги, используя пойменные луга, которыми богато волжское левобережье между устьями Самары, Большого Иргиза и ниже. Низкий уровень воды даже в самых крупных волжских притоках в конце лета - начале осени позволял стадам, в которых уже подрост молодняк, спокойно преодолевать речные преграды, лишь незначительно удаляясь от Волги. Например, через самый многоводный из таких притоков - р. Самару, в конце лета можно было вполне перейти пешему или переехать конному в районе построенного в начале XVIII в. «от города Самары в дватцети шти верстах» пригорода Алексеевска. В описании этого пригорода 1728 г. приводится следующая характеристика его местоположения: «бывает к нему Алексеевску всякое лето набеги от воровских воинских людей каракалпаков и киргис-казаков и другие. Да построен тот город на перелазех их... воинских людей вместо охранения от воинских людей» (Самарское Поволжье ..., 2000, с.158). Многочисленные материалы, повествующие о бытовании в междуречье Волги и Яика ногаев и калмыков на протяжении XVI - XVIII вв., свидетельствуют, что каких-либо серьезных проблем с преодолением текущих в широтном направлении и пересекающих маршруты ежегодных кочевий степных и лесостепных рек у степняков не возникало.

Таким образом складывался годовой циклический круговорот ногайской жизнедеятельности и хозяйствования. Он был постоянен на протяжении десятилетий, но и в этом круговороте нередко бывали весьма любопытные исключения. Например, известны случаи, когда часть кочевников оставалась на зиму в лесостепи и весьма умело приспособлялась к суровым зимним условиям. А.А. Новосельский приводит в своей монографии ситуацию, сложившуюся в 1630-х гг. на правобережье Волги в верховьях Хопра, Медведицы и Битюга. Эта территория была богата бортными ухояями, бобровыми гонами, рыбными и зверовыми ловлями. Поэтому русское и мордовское население пограничных уездов зимой нередко занималось здесь отхожими промыслами и даже устраивало «зимницы». В свою очередь и татары охотились в этих местах не только за дичью, но и за русскими и мордовскими промышленниками. Для этого они оставались здесь на зиму, укрываясь от холода в землянках и заготовив осенью для своих лошадей корм. Таким образом, в русском

приграничье сложился своеобразный промысловый район, где промысел вели и русские, и мордва, и кочевники, причем нередко друг за другом (Новосельский, 1948, с.237). Подобные же ситуации складывались в лесостепной зоне, на правобережье Волги, а также в Заволжье, где богатейшие промысловые угодья также эксплуатировались «наездом», как коренным населением русскими промысловиками Среднего Поволжья и, так и кочевниками. Например, по сведениям местных воевод в 1683 г. крупный калмыцкий отряд зимовал у озера Чертаклы (в районе, защищенном Закамской чертой, напротив Симбирска) (Перетяткович, 1882, с. 281). Можно сделать вывод, что фронтир, а именно лесостепные территории всего юго-востока европейской России, являлся зоной постоянных, и не всегда военных, контактов не только в весенне – осенний период, но даже эпизодически и зимой, когда, казалось бы, кочевники должны были отойти на зимние пастбища, далеко на юг.

Для рассмотрения организации системы кочевания особую значимость имеет выяснение скорости перекочевков. Этот вопрос нередко затрагивается в исторической литературе, посвященной ногаям и калмыкам. Разумеется, следует говорить как минимум о трех «скоростях» перекочевков: о скорости перехода Орды на летние или, наоборот, на зимние пастбища, т.е. во время межсезонья, и о скорости собственно летних кочевий. Е.А. Поноженко и А.М. Асанов предложили следующую схему изменения скоростей кочевания на протяжении всего весенне – осеннего цикла передвижения. Максимальной, по их мнению, скорость движения кочевников со всеми стадами была во время переходов от зимних к летним пастбищам – 25 – 30 верст в день. Затем во время выкорма скота на летних пастбищах скорость резко снижалась и в основном обуславливалась условиями сохранения пастбища, его восстановления и т.д. Возвращаясь назад к югу, на осенние кочевья в район верхнего течения Ахтубы и Волги, ногаи проходили все расстояние от летних пастбищ до «осенних» со средней скоростью около 20 км в день (Поноженко, Асанов, 1993, с. 123-124). К близкому результату при рассмотрении несколько иной совокупности данных приходит и В.В. Трепавлов. По его мнению, скорость перекочевки с одного вида сезонных пастбищ на другой колебалась от 20 до 30 км в день, а в среднем на большие расстояния составляла, примерно, 22 км (Трепавлов, 2001, с. 476).

Есть и дополнительные свидетельства в пользу данного вывода. Выше уже отмечалось, что пересечь степь между Уралом и Волгой русским посланникам, шедшим вместе с улусами Юсуфа, удалось за 10 дней. При этом суточные переходы в среднем составляли по 30 км в день. Еще одним красноречивым свидетельством о скорости

перекочевки ногаев является отчет отпущенного в конце лета 1552 г. из улуса Исмаила московского посланника К. Кудинова. Кудинов доносил, что когда он «пришел в нагаи к Исмаил мирзе, а Исмаил мирза в те поры кочевал на Ике реке от Камы днищ с пять. А назавтрее его приезде Исмаил пошел к Самару на зимовищи под Астаранхань, а шел до Самара 3 (семь) день, да на Самаре дневал. А в девятой день его с Самара отпустил ко царю и великому князю» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 137об.-138. Мне не совсем понятна трактовка этого отрывка Е.А. Поноженко и А.М. Асановым, а также В.В. Трепавловым. Речь в нем идет о размещении данного конкретного района кочевий, находящемся «от Камы днищ с пять», а отнюдь не о том, что ногаи шли к нему от Камы или о том, что это время движения улуса со всеми стадами. См.: Трепавлов, 2001, с. 469; Поноженко, Асанов, 1993, с. 124). Исходная точка, скорее всего, находилась в низовьях р. Ик. Пять дней – это практически вся протяженность этой небольшой реки. Конечный пункт «Самар», скорее всего, означал именно устье этой реки. Позднее, уже в 1554 г. Исмаил в письме к Ивану IV предлагал: «А кого к нам пошлешь, и ты посылай к нам Волгою. И те бы люди твои на Самарском устье с нами свестилися. Чтобы однолично полем не ходили» (РГАДА, ф.127, оп. 1, д. 4, л. 248). Устье р. Самары, скорее всего, подразумевалось и в сообщении служилых татар, отпущенных «из за Самара» от Исмаила осенью 1554 г. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 255; д. 4, л. 137об.). В таком случае то расстояние, которое прошел улус за 7 дней, составило приблизительно около 260 – 270 км, а величина одного дневного перехода достигала 36-38 км. Разумеется, после столь длительного и напряженного пути ногаям необходимо было отдохнуть, что они и сделали «да на Самаре дневал». Если же брать верховья р. Самары, то протяженность пути вырастает как минимум на дневной переход в 30 – 40 км.

Разумеется, все эти подсчеты имеют достаточно приблизительный характер. Но все же, при данном состоянии источниковой базы, они позволяют составить более ясное представление о системе сезонных кочевий в ногайском обществе.

Сложившаяся (или, может быть, правильнее – существовавшая до начала 1550-х гг.) к началу 50-х гг. XVI в. система кочевий рухнула в годы Второй Смуты. В условиях начавшейся «замятни» в Ногайской Орде произошло перераспределение летних пастбищ между отдельными улусами. Но это было только началом. Междоусобная война, голод, эпидемии, уход части улусов в Предволжье и перемещение в междуречье улусов из-за р. Урал, наконец, катастрофическое уменьшение численности населения и стад создали совершенно иную ситуацию в регионе.

С конца 1550-х - начала 1560-х гг. обстановка теперь уже у Больших Ногаев постепенно начала стабилизироваться. Соответственно восстанавливается и прежняя «поволжская» система кочевания. Однако, сколько-нибудь систематических сведений о ней, подобных тем, которые удается выявить для середины XVI в., не сохранилось. Можно лишь достаточно уверенно заявить, что во второй половине столетия и, прежде всего, с середины 1580-х гг., пространство весенних и летних кочевий ногаев значительно сужается. Это было обусловлено складыванием яицкого казачества, строительством ими Кош-Илецкого городка, возведением по Волге и Белой крепостей Самары, Уфы, Царицына, Саратова, а позднее и других. В начале XVII в. к этим негативным последствиям прибавилось вторжение в Волго-Уральское междуречье калмыков, за несколько десятилетий практически полностью разрушивших систему ногайских кочевий и вытеснивших последних на запад, за Волгу.

Список литературы:

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) 1914 / Собр. и ред. А.М. Гневушев. М.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. *Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы*. М.

Бушуев П.П., 1976. *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586 – 1612 гг. (по русским архивам)*. М.

Бушуев П.П., 1987. *История посольств и дипломатических сношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. (по русским архивам)*. М.

Буяновский М.С., Доскач А.Г., Фридланд В.М., 1966. *Природа и сельское хозяйство Волго-Уральского междуречья*. М.

Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., Матвеев В.И., Соловьева В.В., 2003. *Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара.*

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. *Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене*. М.

Карамзин Н.М., 1842-1884. *История государства Российского*. СПб., Т.6-12. *Примечания*.

Книга Большому Чертежу. 1950. М.-Л.

Кочекаев Б.-А.Б., 1988. *Ногайско-Русские отношения в XV-XVII вв. Алма-Ата*.

Лепехин И.И., 1795. *Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году*. СПб. Часть первая.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. 1933. Ч. I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI – XVII вв. Л.

Новосельский А.А., 1948. *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. М.-Л.

- Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV - начало XVIII в.). 1990 / Сост. и автор вступит. статьи Н. М. Рогожин. М.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. 1967. М.
- Паллас П. С., 1773. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. Часть первая.
- Пекарский П. П., 1994. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Самарский краевед. Самара.
- Перетяткович Г. И., 1877. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М.
- Перетяткович Г. И., 1882. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса.
- Поноженко Е. А., Асанов А. М., 1993. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. Черкесск. № 1-2/5-6.
- Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489-1508 гг., 1984. М.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. 1995. Махачкала.
- Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548-1549 гг. 1995 // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала.
- Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533-1538 гг. 1995 // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала.
- Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). 2003. М.
- Природа Куйбышевской области. 1990. Куйбышев.
- Природа и история Астраханского края. 1996. Астрахань.
- Продолжение древней российской вивлиофики. 1791-1801. СПб., Ч. VII-XI.
- Продолжение древней российской вивлиофики. 1793. Ч. VIII. СПб.
- Продолжение древней российской вивлиофики. 1793. Ч. IX. СПб.
- Продолжение древней российской вивлиофики. 1795. Ч. X. СПб.
- Продолжение древней российской вивлиофики. 1801. Ч. XI. СПб.
- Рамазанов С. К., 2002. Природно-географические условия региона – основной фактор в истории расселения человечества (на примере Западно-Казахстанской области) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Сборник научных статей. Вып. 1. Уральск.
- Рогожин Н. М., 1983. Посольские книги начала XVII в. как исторический источник. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Рогожин Н. М., 1994. Посольские книги России конца XV - начала XVII вв. М.
- Родин Ф. Н., 1975. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. Москва.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. Репринтное издание. Ульяновск. 1998.
- Рубрук, Гильом де, 1957. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Рычков П. И., 1887. Топография Оренбургской губернии. Сочинения П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург.
- Салимов И. Х., 1994. Среднее Поволжье. М.
- Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. 2000. Самара.

Сафаргалиев М.Г., 1949. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Мордовск. гос. пед. ин-та. Саранск.

Сборник РИО. Т. 41, 95.

Середонин С.М., 1885. Известия англичан о России XVI века // ЧОИДР. 1884. Книга четвертая. Разд. III. М.

Скрынников Р.Г., 1986. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск.

Смирнова О.В., Киселева Л.Л., 1994. Изменение видового состава и распространения Восточноевропейских широколиственных лесов в голоцене по споропыльцевым и археологическим данным // Восточноевропейские широколиственные леса. М.

Трепавлов В.В., 2001. История Ногайской Орды. М.

Шербаков М.М., 1903. История Российская. Спб. Т.4. Ч.3; Т.5. Ч.4; Т.6. Ч.2; Т.7. Ч.3